

«Особенный человек» и проблема революции в прозе Н. Чернышевского начала 60-х годов

Н. Чернышевский с июля 1862 г. оказался изолированным не только от революционного подполья, но и от общественной жизни. Единственной возможностью деятельного участия в продолжавшейся борьбе был для него литературный труд. Находясь в казематах Петропавловской крепости, он не мог быть вполне уверен в том, что его слово услышат на воле, тем не менее произведения, созданные им в период заточения, являются существеннейшим свидетельством размышлений писателя о ходе революционного движения, о судьбах его участников.

В трех беллетристических произведениях Н. Чернышевского — «Что делать?», «Алферьеве», «Повестях в повести», написанных с 1862 по 1864 гг., последовательно развивается образ героя времени, «особенного человека». Учитывая, что этот образ связывался писателем с «главнейшим, самым коренным требованием художественности» [15, с. 215], с основной идеей произведения, мы ставим своей задачей проследить эволюцию образа «особенного человека» как отразившую развитие самой идеи в художественном сознании писателя.

Н. Чернышевский был арестован в то время, когда наступление реакции еще не приняло того подавляющего характера, которым будут отмечены 1863—1864 гг. [7]. Поэтому первый из написанных в Петропавловской крепости романов носит название, отвечающее его назначению быть руководством к действию. В «Что делать?» писатель воспроизводит те немногие положительные элементы современности, которые являются залогом социалистического будущего и могут и должны быть, с точки зрения его эстетического идеала, развиваемы в настоящем. Он изображает представителей «новых людей», «обыкновенных порядочных людей нового поколения», которым дано приближать будущее в своей трудовой практике, в сфере этических взаимоотношений, и на их фоне резко очерчивает фигуру «особенного человека» — героическую личность, революционера, борца.

Одним из первых поставив вопрос об эволюции образа «особенного человека» в творчестве Н. Чернышевского [5, с. 133], А. Лебедев настаивал на том, что только ко времени создания «Пролога» Чернышевский понял несостоятельность надежд на близкую революцию, и именно поэтому роман «Что делать?», написанный в романтическом ключе, заканчивается «весело, с бокалами, песней» [15, с. 13].

Позже отвергнутая А. Лебедевым мысль А. Луначарского [5, с. 194] о том, что во время написания «Что делать?» Н. Чернышевский, несмотря на страстную веру в окончательную победу революции «чувствовал, что дело еще не созрело» [6, с. 174], получила новое звучание и развитие в книге «Чернышевский или

Нечаев?» [3]. Авторы ее аргументированно доказали, что в период написания «Что делать?» Н. Чернышевский не питал излишних иллюзий по поводу близкой победы революции и утверждения в России в ближайшем будущем социализма, хотя это и не исключало, считают исследователи, «ни предположений о ее возможности в самые ближайшие годы, ни обоснования идеи пропаганды социалистического идеала» [3, с. 194].

Попав в заточение, Н. Чернышевский продолжал мысленно возвращаться к минувшему, анализировал обстановку в настоящем и обдумывал перспективы борьбы в будущем. Размышления его так или иначе должны были найти отражение в создаваемых им в Петропавловской крепости романах. Между тем большинство исследователей незаслуженно обходят своим вниманием повесть «Алферьев» и роман «Повести в повести» как произведения незначительные в художественном отношении. Так, А. Лебедев, наметив перспективный путь исследования от «Рахметова к Волгину», минует, по сути, образы Алферьева и Сырнева, в то время как они являются важнейшим звеном в осмыслении Н. Чернышевским характера революционера 60-х годов как несущего существенные черты революционного движения этого периода. Различные подходы к решению образов «рахметовского типа» в «Алферьеве» и «Повестях в повести» были отмечены М. Николаевым [8], М. Пинаевым [9]. Наша цель — продолжить исследование этого вопроса с точки зрения эволюции в политических воззрениях Н. Чернышевского.

В день окончания работы над романом «Что делать?» Н. Чернышевский написал заметку для его издателей, А. Пыпина и Н. Некрасова, в которой сообщил, что собирается приступить к работе над второй частью романа, где «общей идеей» будет изображение связи «обыкновенной жизни с чертами, которые ослепляют эффектом неопытный взгляд», и изображение «особенного человека» должно было по-прежнему остаться здесь одной из первоочередных задач [15, с. 744].

Начиная с 50-х годов в целом ряде статей и монографий безоговорочно поддерживается мнение Б. Бухштаба о том, что эта заметка была своего рода мистификацией, способом усыпления бдительности властей [1]. Однако произведения, написанные Н. Чернышевским вслед за романом «Что делать?», позволяя, на наш взгляд, говорить о реальности изложенного замысла. Другое дело, что «предсюжет» [12, с. 5], сообщаемый им в заметке, в дальнейшем претерпел серьезные изменения. Под воздействием определенной концепции «песчинка» первоначального замысла превратилась в «жемчуг» нового произведения [4, с. 430].

О том, что замысел Н. Чернышевского, возникший в период работы над романом «Что делать?», не исчез бесследно, а сохранился и, хотя и в переработанном виде, но вошел в последующее произведение, может свидетельствовать уже фабульная основа «Повестей в повести». Центральная героиня этого романа, Лизавета Сергеевна Крылова, своей судьбой, характером, чрезмерной

экзальтированностью весьма схожа с «Дамой в трауре» из «Что делать?». Ее тоже называют вдовой [14, т. 12, с. 221, 356], хотя, как оказывается позже, мнимой вдовой. В «общем плане второй части», изложенном в заметке, «даме в трауре» — той самой вдове, которая была спасена Рахметовым в третьей главе» [15, с. 744], Н. Чернышевский отводит главную роль. В его изложении фабула предполагаемой второй части такова: «Она, видите ли, убивается из-за любви к нему. И сей герой взаимно. Кирсановы и Бьюмонты, открыв таковую нежную страсть, лезут из кожи вон помочь делу. И отыскивают оного Рахметова, уже прозябающего в Северной Пальмире. С разными взаимными объяснениями обоих сил любящихся свадьба устраивается» [15, с. 744].

Сравним этот замысел с фабулой «Повестей в повести», которая в самом общем виде может быть пересказана следующим образом. Расставшись с мужем, Крылова продолжает любить его, но не видит никакой возможности примирения. Это же чувствует ее муж. Друзья Крыловой — Всеволодские, Нигулецкий, Тисьмина и др., узнав об этой истории, всячески стараются помочь Лизавете Сергеевне и в конце концов примиряют ее с мужем, которого отыскивают в Петербурге.

Коренное изменение, внесенное писателем в процессе работы в этот сюжет, сказалось в том, что не герой и героиня, центральные персонажи по первоначальному замыслу, изображены «особенными людьми», а новый герой, дополнительно введенный автором, — Алферий Сырнев.

Одной из частей нового большого романа должна была стать повесть «Алферьев», к работе над которой Н. Чернышевский приступил на следующий же день после окончания романа «Что делать?». Продолжая разрабатывать в новой повести образ «особенного человека», Н. Чернышевский наделяет его более приземленными чертами, что соответствует его намерению, высказанному в заметке. Подобно Рахметову, Алферьев готовится к тяжелым испытаниям на избранном им пути революционера, но аскетизма в его поведении гораздо меньше. Автор подробно описывает «пустячные увлечения» Алферьева [14, т. 12, с. 624—625]. Борис Константинович любит изящную одежду, тонкую кухню — все это свойственно его натуре, — но считает, что от подобных слабостей необходимо отказаться, поскольку «это портит». Помимо изысканной еды и дорогой одежды, Алферьев, как и Рахметов, готов отказаться от прочих жизненных благ — карьеры по службе, денег, понимая вместе с тем что, сохранив все это, тоже можно остаться «неиспорченным». «Но кто может поручиться за себя, — говорит он. — Честность требует не подвергать себя опасностям измнить себе» [14, т. 12, с. 9].

Еще в романе «Что делать?», где Е. Плимак справедливо усматривает внутренний реалистический слой за внешним романтическим [3, с. 211], Н. Чернышевский предупреждал о том, что «скуден личными радостями путь» таких людей, как Рахметов [15, с. 215]. По мере дальнейшего осмысления писателем темы «особенного человека» все больше ощущается его внимание к

трудностям революционной борьбы. При этом личная судьба Н. Чернышевского, осложнение хода следственного процесса по его делу, безусловно, оказывали влияние на его творческую работу. На смену радостным, романтическим картинам романа «Что делать?» приходит повествование о герое, под которым «оборвалась крутизна» [14, т. 12, с. 5].

Как и в романе «Что делать?», действие повести «Алферьев» происходит в конце 50-х годов прошлого века, т. е. в период подъема революционного движения. Но если в «Что делать?» Н. Чернышевский воспроизвел картины настоящего с перспективой в будущее, то в «Алферьеве» его внимание направлено на реальное настоящее (время написания повести) и недавнее прошлое. Главную часть этого произведения должно было составить, по словам автора, повествование о том, почему и как «ушибся» Алферьев, оказавшийся теперь в далеких и холодных краях [14, т. 12, с. 625]. Повесть начинается с обращения к лицу, которое послужило прототипом главного героя. Из этого обращения становится известным, что в настоящее время герой находится на каторге (указывает на это прежде всего эпитафия, состоящий из строк поэмы Н. Некрасова «Несчастные»). Все следующие за обращением главы есть предыстория того главного события, которое послужило причиной ссылки Алферьева.

Алферьев называет себя «социалистом» и «гуманистом» [14, т. 12, с. 83], он активный пропагандист женской эмансипации. Больше о его убеждениях Н. Чернышевский не мог сказать из-за стесненных цензурных условий. Исключительность, «особенный» характер героя подчеркиваются необычными обстоятельствами, в которые поместил его автор. Алферьев странен в восприятии окружающих. Он — «мономан», человек одной идеи. Этому непременно нужно, чтобы слова не расходились с делом. Поэтому он неизменно следует своей программе в жизни и поступает только в соответствии со своими «неоспоримо прекрасными принципами». Основное «дело» Алферьева — пропаганда, он пропагандирует везде, даже и в светском обществе. В канун реформы это возможно, потому что и такие люди, как либеральствующий Чекмазов, считают в это время за честь пригласить в свою гостиную радикала Алферьева. Его идеи воспринимаются гостями как модная новинка, которую любопытно использовать в светской беседе. Таким образом, пропаганда Алферьева проходит почти впустую, поскольку большинство его просто не понимает.

Алферьев помещен автором в иные условия, нежели Рахметов. Тот — среди друзей, единомышленников, и потому авторитетен и получает поддержку; Алферьев находится среди инакомыслящих, которые слушают его, но являются его потенциальными врагами. Немногие понимают его (рассказчик-журналист, кузен), да и то не во всем. Одна лишь Лизавета Антоновна, из «новых людей», оказалась восприимчивой к идеям Алферьева.

Распространение революционно-демократических идей в канун реформы не приняло и не могло принять массового характера, поэтому «особенные люди» выглядят «чужаками», образованное

общество не поддерживает их. Они уже составили определенное количество, но их все же очень мало, «единицы». Трезво взвесив соотношение сил, Н. Чернышевский, очевидно, хотел сказать о том, что победа Алферьева невозможна в силу объективных причин. Под героем «оборвалась крутизна» не случайно, а закономерно.

В повествовании о герое, деятельность которого завершилась каторгой, оптимизм Н. Чернышевского не поколеблен. Эпиграф к повести гласит:

Дружней! Работа есть лопатам!..
Спасибо скажут наши внуки,
Когда разбогатеет Русь...
Ей пригодится камень каждый,
Который добываем мы [14, т. 12, с. 6].

Дело тех, кто «сходит со сцены», не пропадает зря, на смену им идут их последователи и продолжатели. Главе о Лизавете Антоновне, ученице Алферьева, Н. Чернышевский также предпосылает эпиграф оптимистического содержания:

В добрую почву упало зерно —
Пышным плодом отродится оно [14, т. 12, с. 75].

И, наконец, сам рассказчик заявляет, говоря о невзгодах нынешнего времени: «будет время, вознаградится» [14, т. 12, с. 14].

Повесть «Алферьев» осталась незавершенной. Не доведя до конца работу над образом «особенного человека» в новых, по сравнению с первым романом, условиях, Н. Чернышевский начал исследовать этот тип под другим углом зрения в «Повестях в повести». Если Рахметов и Алферьев — герои периода нарастания революционного движения, то Алферий Сырнев — герой периода «ненастных дней», т. е., надо понимать, периода наступления реакции.

Сырнев — аналитик и рационалист. Способность «новых людей» из романа «Что делать?» к рациональному мышлению в нем доведена до наивысшей степени. Как и Алферьеву, ему присуща уверенная логика в теоретических рассуждениях, стремление возводить все вопросы, в том числе и личные, и самые мелкие, к общим принципам. Главное открытие жизни Сырнева — планета «Элевтерий». Если учесть, что сам Н. Чернышевский толковал значение этого слова как «свободный» [10, с. 73], следовательно, главное открытие Алферины связано со свободой.

Впервые, вероятно, в русской литературе героем «Повестей в повести» стал коллектив. Он состоит из четырнадцати человек, а может быть и «более четырнадцати», которые не объединены ни в артель, ни в фалангу, но связаны общностью интересов и целей; все они — люди передовых убеждений, воспитанные на учении Л. Фейербаха. Они составляют особый мир, это — коллектив людей, живущих по новым моральным принципам, основанным на уважении человеческих прав и человеческого достоинства. Это как раз и есть один из тех случаев, о которых Н. Чернышевский говорил в романе «Что делать?»: «...теперь чаще и чаще стали другие случаи: порядочные люди стали встречаться между собою» [15, с. 47].

По первоначальному замыслу автора «дама в трауре» и Рахметов должны были стать главными героями предполагаемой второй части, в «Повестях» же образ героя — спутника «дамы в трауре» — отходит на второй план. «Особенным человеком» становится один из молодых, из окружения Крыловой. Если предположить, что Крылова — продолжение образа «дамы в трауре»; то станет вполне понятным благоговейное отношение к ней Сырнева. Подобное отношение испытывают молодые люди к «даме в трауре» в «Что делать?». Таким образом, и в следующем, еще более молодом поколении, появляются «особенные люди». Процесс этот, как доказывает своим новым романом Н. Чернышевский, неостановим.

Число «новых людей» множится, когорта «особенных» пополняется за счет молодых. Но насколько прочны их ряды? В романе «Что делать?» Н. Чернышевский замечает, что между молодыми друзьями существуют разногласия: они обвиняют друг друга в неконсеквентности, модерантизме и т. п. Между героями «Повестей в повести» также нет полного взаимопонимания. Они согласны в чем-то едином, главном, но противоречат друг другу в частности. В силу этого они делятся на «две партии» [14, т. 12, с. 350]. Один из вопросов, являющихся особенно острым в их спорах, — вопрос о необходимости, своевременности и полезности активного действия, и поэтому на страницах этого романа герои чаще всего упрекают друг друга в «экзальтации».

Алферинька Сырнев, вероятно всего, был бы назван героями романа «Что делать?» модерантистом, потому что девиз его жизни, который он стремится внушить и другим: «Береги силы в резерве; преждевременность замедляет успех» [14, т. 12, с. 167]. Эти слова, конечно, не следует истолковывать как призыв к бездействию, потому что и в «ненастные дни» надобно «заниматься делом», говорит Сырнев. Он призывает близких воспринять реальные обстоятельства — наступление «ненастных дней» — как факт и провозглашает, что «факт, которого нельзя изменить, может быть обращен на видоизменение других фактов» [14, т. 12, с. 187]. Если в последних главах «Что делать?» Чернышевский намекает на подготовку к революции (в ранней редакции романа встречаются строки, исключенные автором впоследствии из текста, подготовленного к печати: «А мельница мелет, сильно мелет! Готовит хлеб!») [15, с. 743], то в «Повестях в повести» Алферий Сырнев, напротив, призывает не торопиться с подготовкой решительных действий. Период «ненастья» требует большой осторожности, и трагическая судьба героя, первое же практическое выступление которого заканчивается его гибелью, является тому подтверждением.

Важное значение для концепции героя-революционера в романе «Повести в повести» имеет развитие темы народа. Она развивается в «Объективных очерках» Сырнева и примыкающих к «Повестям» «Мелких рассказах», а также в аллегорическом повествовании «Сказка о Деборе-девице». Народ в этой сказке уподоблен Н. Чернышевским неподвижному богатырю, который

сам страдает и заставляет страдать от своего бездействия Родину-мать. Герои-подвижники призваны разбудить его, и эта работа требует от них самоотверженности и бесстрашия. Народ темен и забит, он не понимает добрых побуждений своих спасителей, и поэтому заступничество Сырнева заканчивается его гибелью.

По первоначальному замыслу Чернышевского, Сырнев, рано «сошедший со сцены», очевидно, должен был возродиться в другом типе. «Утешьтесь. Сырнев умер. Плакать нечего. Родился Алферьев», — записывает он на 51-м листе черновой рукописи [13, с. 300]. Однако и судьба Алферьева закончилась трагически. Другой исход в судьбе «особенного человека» пока невозможен.

Если в романе «Что делать?» Н. Чернышевский говорил о неизбежности наступления «непастных дней», то в «Повестях в повести» он уже констатирует их наступление. Соответственно с осознанием происходящих общественных перемен изменялась и концепция героя времени в каждом из последовательно создаваемых в Петропавловской крепости произведений. Н. Чернышевский углубляет реалистическое начало при описании судьбы «особенного человека», усиливает внимание к трудностям, возникающим на его пути. На новом уровне осмысливается им проблема взаимоотношения революционеров-демократов и народа, их пропагандистские задачи.

Наибольшее опасение у писателя вызывала возможность раскола в революционном движении. Исследователями отмечено, что он видел «появление своеобразной «левизны» в революционной демократии 60-х годов XIX в.» [3, с. 155]. Роман «Повести в повести», где так остро стоит вопрос о проявлениях экзальтированности в поведении «новых людей», может свидетельствовать о том, что Н. Чернышевский, анализируя положение, сложившееся после поражения революционных сил в 1862 г., хотел предупредить молодежь, вступающую на путь революционной борьбы, об опасности экзальтированных выступлений, и делает это предупреждение в романе именно «особенный человек».

Нет оснований предполагать, что Н. Чернышевский собирался написать вторую часть романа «Что делать?» как счастливое продолжение первой. Исследования в этом направлении завели бы нас в тупик. Другое дело, считая замысел Н. Чернышевского фактом, проследить его изменения в ходе работы. В неокончательно сформировавшемся замысле художника часто так или иначе присутствует мысль о путях его реализации [11, с. 165]. Незавершенные произведения Н. Чернышевского, созданные им в Петропавловской крепости, несут печать поиска писателя, обдумывавшего одну из самых сложных проблем современности.

1. Бухштаб Б. Я. Записка Н. Г. Чернышевского о романе «Что делать?» // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1953. Т. 12. Вып. 2. 2. Водовозов Н. В. Повесть «Алферьев» и «Дело Н. Г. Чернышевского в Сенате» // Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та. Т. 34. Вып. 3. 3. Володин А. И., Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Чернышевский или Нечаев? О подлинной и мнимой революционности в освободительном движении России 50—60-х годов XIX века. М., 1976. 4. Добин Е. Сюжет и действительность. Искусство детали. Л., 1981. 5. Лебедев А. Герои Чернышевского. М., 1962. 6. Луначарский А. В. Русская литература. М., 1947.

7. Новикова Н. Н., Клосс Б. М. Н. Г. Чернышевский во главе революционеров 1861 года. М., 1981. 8. Николаев М. П. Художественные произведения Н. Г. Чернышевского, написанные на каторге и в ссылке. Тула, 1958. 9. Пинаев М. Т. Н. Г. Чернышевский. Художественное творчество. М., 1984. 10. Стахевич С. Г. Николай Гаврилович Чернышевский // Н. Г. Чернышевский. М., 1928. 11. Храпченко М. Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. 4-е изд. М., 1977. 12. Цилевич Л. М. Об аспектах исследования сюжета // Вopr. сюжетосложения: Сб. ст., Рига, 1978. Вып. 5. 13. Чернышевский Н. Г. Повести в повести. М., 1930. 14. Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. М., 1939—1953. 15. Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. Л., 1975.

Статья поступила в редколлегия 02. 06. 85

И. В. Трофимов, доц.,
Дрогобычский педагогический институт

Русский народный характер в лирике Н. Некрасова

Русский народный характер в изображении Н. А. Некрасова — вопрос, достаточно освещенный в литературоведении [2; 5; 7; 11; 12]. Однако описанием народного характера, представленным в творчестве великого поэта, вопрос не исчерпывается, так как за ним стоит проблема формирования нового лирического сознания, в котором активно взаимодействуют (в рамках диалога) собственно сознание лирического героя и иносознание, представленное голосами многочисленных персонажей. Этот диалог дает представление о специфике поэтической трансформации народного характера в лирической системе Н. А. Некрасова.

Обращает на себя внимание определенная эволюция в постижении народного характера, народной судьбы в творчестве поэта. В середине 40-х годов XIX в. ведущая позиция его лирического героя, автора-повествователя — взгляд со стороны:

«Скучно! скучно!.. Ямщик удалой,
Разгони чем-нибудь мою скуку!
Песню, что ли, приятель, запой
Про рекрутский набор и разлуку;
Небылицей какой посмеши
Или, что ты видал, Расскажи —
Буду, братец, за все благодарен»

[9, т. 1, с. 11].

Впечатление песни, кем-то спетой, небылицы, кем-то рассказанной, составляют стихотворения «Тройка» (1846 г.), «Огородник» (1846 г.).

Начиная с 1848 г. Н. А. Некрасов все чаще отождествляет свою судьбу с судьбой народа. Ярким свидетельством этого является восьмистишие «Вчерашний день, часу в шестом...» (1848 г.), в котором истязаемую на площади «крестьянку молодую» поэт ставит вровень со своей музой. Еще одним подтверждением того, что Н. А. Некрасов мыслит свою жизнь кровно связанной с жизнью народа, является стихотворение «Несжатая полоса» (1854 г.).